

Званный гость

«С Л О В О» РОМАНА ВИКТЮКА

— Роман Григорьевич, такое ощущение, что у вас сейчас «золотой период». В то время как многие режиссеры не знают, что ставить, оправдываясь отсутствием пьес, когда театры теряют публику, вы выпускаете одну премьеру за другой, вызывая бурную реакцию принятия и неприятия: «Служанки» в «Сатириконе», «Наш Декамерон» в Театре имени Ермоловой, «Дама без камелий» в Вахтанговском, «М. Баттерфляй» под эгидой «Фора-театра». Будто изголодавшийся по слову человек, долгое время принужденный молчать, вы торопитесь выдохнуть из себя мысли и чувства, чтобы не умереть от их избытка...

— Так всегда говорили, сколько работаю, столько это о себе и слышу. Вы еще не все перечислили, только то, что сделано, а не меньше предстоит. В январе начинаю снимать художественный фильм «Служанки», в феврале монтаж и... выпуск. В театре собираюсь ставить «Анну Каренину» в Америке, потом спектакль в Италии, в Швеции, в «Современнике» — «Комедия счастья» Еврейнова, в Вахтанговском театре — «Соборняне» Лескова. Даже страшно перечислять. А как же! По-другому неправильно, когда отчетливо понимаешь, что у тебя украли жизнь и никто не заботится о том, чтобы возместить годы, которые уже никогда не возвратятся, когда осознаешь, что нужно успеть то, что вынужденно откладывал. Хотя я всегда ставил то, что хотел, и сложности с бюрократической машиной были связаны именно с такой моей как бы обособленной позицией — не приставил ни к какому кораблю, ни к какому берегу. Внутренняя независимость, своеобразная жизнь в окопе — в своем окопе — ограждает от всех политических, социальных, материальных, профсоюзных, партийных, комсомольских, пионерских забот.

Меня не интересовало продвижение по социальной лестнице: получение наград, вступление в различные союзы и организации. Только так, на мой взгляд, и можно существовать — тогда и сейчас.

Причем не у меня одного украли жизнь. У поколений! Обворованы не только режиссеры, но прежде всего обворован зритель, пострадал весь театр. Целый пласт поэтического театра — М. Цве-

таева, Б. Пастернак, М. Кузмин, О. Мандельштам, Н. Гумилев — для нас это выжженная пустыня. Первое, что я попытался сделать, как только стало возможно, поставить «Федру» М. Цветаевой в Театре на Таганке, включив в спектакль фрагменты из дневников Марины Ивановны, которые у нас до сих пор не напечатаны: последние записи дней перед тем, как она ушла из жизни. Когда этот спектакль играем в Америке, Италии, Канаде, зрители без перевода все понимают — они читали, знают. И очевидно за нашу публику, думаешь: за что,

почему целые поколения выросли на бездуховности, серости? Лица у нас от этого страшные — от вредной пищи духа. Парализованы ум, сердце и умение — ушла профессия, непосредственность восприятия жизни и мастерство воплощения этого на сцене. Вся эстетика изуродована, душа изуродована: если считать, что человек, приходящий на землю, — это белый лист с шифром предначертаний, то этот листок кто-то нахально смял и до такой степени вытер все знаки судьбы, что их уже не найти, не восстановить. А поскольку у каждого свое предопределение, которое необходимо разгадать, ради достойного существования, то я и пытаюсь по мере сил и способностей расшифровывать самого себя.

— Как вам удалось возрасть в себе, не погубить кудесника, который возвращает в театр театральность в период, когда сцену

захватили политика, экономика, быт?

— Благодаря людям, с которыми встречался, это все-таки были Юлий Маркович Даниэль, Александр Исаевич Солженицын, Юлик Ким, Галич... Я видел, как они существовали, когда, казалось, нужно быть злобными, все ненавидящими. Они же, наоборот, сохраняли свет и веру. Как говорил Достоевский, сердце человека — это поле битвы Бога и дьявола. Мало кому удается в этой битве быть на стороне Бога. Для этого нужно отказаться от всех благ, побрякушек, которыми тоталитарное государство покоряет, подавляет, искушает личность. Земля — это старт, с которого как бы прыгаешь в вечность, и с чем уйдешь в эту вечность — вот главное.

— Кажется, что вы заключили с судьбой творческий контракт, так легко, бесстрастно вы с ней общаетесь, на равных, так уверенно идете своей стезей...

— Нет, я ничего не заключаю с ней. Просто у меня есть ангел-хранитель, я это чувствую. Если изменяю ему — у меня пропадает умение.

— В отношениях со зрителями вы кто: диктатор, слуга? Как относитесь к теории «чистого искусства»: театр для театра?

— Замечательно отношусь. Я считаю, что искусство не принадлежит народу. Этот лозунг выбросили сознательно, чтобы убить творчество. Искусство не принадлежит никому — оно для тех, кто в нем нуждается. Христос проповедовал рыбакам и проституткам, потому что они испытывали потребность в проповедях. Так же и театр. Пусть на мои спектакли приходят те, кому по душе моя душа. Тогда между нами протянутся нити, есть братство, родство, тогда мой следующий спектакль будет для их — моих зрителей — роста, а не для затуманивания умов и сердец. И я буду расти в следующей работе. Это обоюдный процесс.

Может быть, настанет момент, когда на сцене станут нужны главы из Библии — величайшей книги мира. И дай Бог мне сумею честно поставить всего одну строчку — о Слове: что было вначале. О том, что вся цивилизация вкладывала в эту строку, как ее понимала, как ее убивала, а Бог все равно в строке этой жив и сегодня. Мне бы хотелось, чтобы это был мой последний спектакль, поскольку Библия в жизни человека первая книга, она должна быть и последней.

Беседовала
А. ПЕРЕВАЛОВА.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «М. Баттерфляй».